

Таким образом, исследование лексического выражения темпоральных значений в бурятском языке в зеркале русской картины мира выявляет своеобразие и уникальность осознания и воспроизведения времени носителями бурятского языка.

Когнитивный подход к изучению лексического состава обозначения времени показал, что в бурятском языке представлено как циклическое, так и линейное время. Часть слов с темпоральным значением в циклическом представлении связана с традиционной культурой бурят. Многие описательные номинации отличаются конкретно-образным содержанием.

В проанализированных речевых фактах бурятского языка проявляются детальное выражение временных отрезков; идентичность семантической структуры многозначных слов в бурятском и русском языках; встречающиеся различные прототипические основания в номинации времени в бурятском и русском языках.

Литература

1. Мунгонов Б. Харьялан урдаа Хёлгомнай. – Улан-Удэ, 1960.
2. Полевые социолингвистические записи, проведенные в Агинском национальном округе Читинской области, 1980, 1989 гг.; в Бичурском, Иволгинском, Тункинском, Закаменском районах в 1986, 1989, 1990, 2000, 2001 гг.
3. Цыдендамбаев Ч. Банзарай хүбүүн Доржо. – Улан-Удэ, 1968.
4. Батожабай Д. Төөригдэлэн хуби заяан. – Улан-Удэ, 1966.
5. Буряад Үнэн. 1985. 25 февр.; 1989. 10 июня; 1989. 12 июля; 2002. 7 марта; 2002. 7, 14, 21, 28 ноябр.; 2002. 5, 19 дек.
6. Санжин Б. Заяанай зам. – Улан-Удэ, 1974.

Е.А. Малахинова

аспирант Московского государственного лингвистического университета
г. Москва

Национально-культурная специфика терминов родства в языковом сознании бурят

Термины родства рассматриваются с точки зрения психолингвистики. Представленный материал необходим для изучения языкового сознания представителей бурятской культуры. Подробный анализ образов языкового сознания бурят позволяет продемонстрировать национально-культурную специфику исследуемого этноса.

E.A. Malakhinova

National and cultural specificity of terms of rektion in the linguistic consciousness of Buryat people

The article is a psycholinguistic view on terms of kinship. The detailed analysis of the images of linguistic consciousness allows to reveal national and cultural peculiarities of Buryat terms of kinship, the role of family relationships, system of spiritual and material values accepted in the culture under consideration.

К числу групп слов, привлекающих внимание исследователей в значительно большей степени, нежели обширные семантические поля, несомненно, относится лексика родства – составная часть любого языка. С одной стороны, она является объектом интереса лингвистов, как часть лексики, а с другой, является важнейшим разделом этнологии (социокультурной антропологии), поскольку группировка терминов родства в определенную систему отражает брачные и семейные нормы, структуру минимальной ячейки, да и в целом родственную организацию того или иного общества, а также выявляет особенности этнокультурного развития и этнические связи. Исследования терминологии родства как универсального социокультурного феномена в настоящее время вышли из пределов собственно этнографии и тот факт, что система родства – явление социальное, и что термины родства связаны с социальным, историческим и этнографическим фоном, не вызывает сомнений. В бурятском языкознании слова, представляющие номенклатуру родства, изучались в основном в этнографическом аспекте.

Таким образом, являясь важным историко-этнографическим источником, термины родства представляют большой интерес не только при изучении истории и этногенеза народа, но и с психолингвистической точки зрения, как материал для изучения языкового сознания представителей той или иной культуры.

Известно, что в нашем сознании идеи, понятия, концепты связаны и не существуют изолированно друг от друга. Взаимообусловленность идей, понятий, концептов – это результат их психологических связей, т.е. ассоциаций. Описать тот или иной культурный феномен – значит вскрыть его связи с другими явлениями. Изучение же этих связей позволяет ученым проникнуть в особенности как национального, так и индивидуального менталитета человека – представителя конкретного социума, конкретной социальной группы. Психолингвистика способна внести свой вклад в разработку данной проблематики на основе исследования вербальных произведений с помощью применения различного рода экспериментальных методик. Наиболее разработанной техникой психолингвистического анализа языкового сознания, следовательно, определения черт национального характера и менталитета является ассоциативный эксперимент. Образ сознания, полученный в ассоциативном эксперименте, репрезентирует феномен массового сознания носителей определенного языка и позволяет убедительно продемонстрировать этнокультурную специфику исследуемого этноса.

Что же представляет собой ассоциативный эксперимент? Ассоциативный эксперимент – это прием, направленный на выявление ассоциаций, сложившихся у индивида в его предшествующем опыте (1, с.16). Базовыми терминами, которыми оперируют исследователи при проведении ассоциативного эксперимента, являются слово-стимул, слово-реакция, ассоциативное поле слова, ассоциативная норма. *Стимул* – это слово (словосочетание или предложение), которое предлагается испытуемому, а *реакция* – это слово (несколько слов, словосочетание или предложение), которое появляется как ассоциат в памяти человека. *Ассоциативным полем* слова является совокупность ассоциатов на слово-стимул (1, с.28). Испытуемому предлагается ответить на слово-стимул (в нашем случае – термин родства) первым пришедшим ему в голову словом-реакцией. Полученные ассоциативные поля исходных слов-стимулов рассматриваются как модель сознания, которая содержит в себе набор правил оперирования знаниями (вербальными и невербальными), принятый в определенной культуре.

Итак, при помощи свободного ассоциативного эксперимента были выявлены ассоциативные поля терминов родства в бурятском языке. В эксперименте приняли участие 100 испытуемых (50 мужчин и 50 женщин) – носителей бурятского языка в возрасте 17-25 лет. Здесь следует отметить, что возрастной состав участников эксперимента имеет немаловажное значение: к 17-25 годам становление языковой личности, в основном, завершается и ее структура остается относительно стабильной на протяжении всей жизни. Следовательно, анализируя социальные, этнические, историко-культурные и прочие оценочные *реакции* испытуемых, можно прогнозировать некоторые характеристики состояния массового сознания в обществе на ближайшее десятилетие, т.е. на период, когда испытуемые будут составлять активное ядро общества (2).

В бурятской терминологии родства наблюдаются большие различия по диалектам и говорам, поэтому при выборе стимулов были использованы термины литературного бурятского языка. Среди опрошенных – учащиеся разных специальностей из разных районов Бурятии.

Группа терминов родства подразделяется на термины кровного родства и термины свойства (родства по браку). Анализ содержания образов языкового сознания логично начать с терминов кровного родства, в частности, со слов *отец* и *мать*.

В бурятском языковом сознании самыми частотными реакциями на стимул *эсэгэ* (*отец*) являются *аба* (папа) (16)*, *эхэ*, *эжы* (мать, мама) (6), (3), *ажалша* (работящий) (7), *бэрхэ* (умелый) (5), *хайн* (хороший) (4) *түрэн* (родной) (3), *орон* (родина) (3). Также *отец* – *шанга* (крепкий) (3), *хайн ханаатай* (добрый) (2), *хүндэтэй* (уважаемый) (2), *номгон* (тихий, спокойный) (2), *сухалтай* (сердитый) (2).

Мать в представлении бурят, по данным ассоциативного эксперимента, выглядит следующим образом: *түрэн эхэ* (*мать*) – *дуратай* (любимая) (5), *хайн ханаатай* (добрая) (5), *хайн* (хорошая) (4), *сэсэн* (мудрая) (4). Она ассоциируется с *дуран* (любовью) (2), *жаргал* (счастьем) (2), *тоонто*, *нютаг* (родиной, родимым краем) (1), (2), *зүрхэн* (сердцем) (2). Самая частотная реакция – *эжы* (мама) (20).

Рассмотрим слова *сын* и *дочь*. Стимул *хүбүүн* (*сын*) вызывает следующие реакции у бурят: *басаган* (дочь) (10) – это самая частотная реакция, *шадалтай* (сильный) (4), *бэрхэ* (умелый) (4), *эрхэ* (избалованный) (3), *шуран* (шустрый) (2), *эрэ* (мужчина) (3), *сэсэн* (мудрый) (2). Дочь ба-

* В скобках указывается количество одинаковых реакций.

саган представляется как *сэбэрхэн* (хорошенькая) (17), *гоё* (красивая) (8), *эрхэ* (избалованная) (3), *дуратай* (любимая) (2). Следует отметить, что в бурятском языке **хүбүүн** означает не только сын, но и мальчик, парень, а **басаган** – это дочь, девочка, девушка. Поэтому вполне объяснимы такие реакции, как *залуу* (молодой) (4) на стимул **хүбүүн**, и *дүүхэй* (девушка) (2), *залуухан* (молоденькая) (2), *муухай* (некрасивая) (1), *буряад* (бурятка) (2), *хамган* (женщина, жена) (1), *залуу эхэнэр* (молодые женщины) (1) – на стимул **басаган**.

Далее продолжим анализ реакций в ассоциативных полях слов **брат** и **сестра**. Здесь необходимо отметить, что в бурятской системе родства существуют термины для обозначения старших и младших братьев и сестер: **аха** – старший брат, **эгэшэ** – старшая сестра, **дүү** – младший брат или сестра. Последний термин образует сложные термины: **дүү хүбүүн** (младший брат) и **дүү басаган** (младшая сестра). В представлении бурят **аха** (старший брат) – *үндэр* (высокий) (4), *ахай* (старший) (4), *сэсэн* (мудрый) (3), *ехэ* (большой, взрослый) (3). Самая частотная реакция – *эгэшэ* (старшая сестра) (5). А **эгэшэ** (старшая сестра) – *ухаатай* (умная) (5), *хайхан* (прекрасная, прелестная) (3), *уран* (мастерица) (2). Примечательно, что наиболее частотной реакцией на стимул **сестра** является *абгай* (7), что тоже означает старшая сестра, но чаще употребляется для обращения. Кроме того, это слово в некоторых диалектах – обращение к старшей женщине, в других так уважительно обращаются к мужчине. То же можно сказать о слове **ахай**, которое используется для обращения к старшему брату или сестре, а в некоторых диалектах к жене брата.

Для стимула **дүү** (младший брат/сестра) **басаган** (дочь) (19) и **хүбүүн** (сын) (9) самые частотные реакции, что закономерно, т.к. они являются уточнением принадлежности к полу. В общем складывается следующий образ младшего брата или сестры: *залхуу* ленивый (-ая) (6), *жаахан* маленький (-ая) (5), *эрхэ* избалованный (-ая) (3), *түргэн* быстрый (-ая) (3), *хүхюутэй* веселый (-ая) (2).

При описании ассоциативных полей таких слов, как **дедушка** и **бабушка**, **дядя** и **тетя**, необходимо подчеркнуть, что в бурятском языке термины родства отражают семейно-родовую организацию бурят. В бурятской семье четко разграничиваются родственники по отцовской и материнской линиям. Для обозначения родственников по отцовской линии используется термин **абга**, тогда как родственники по материнской линии называются **нагаса**. Таким образом, данные термины родства в бурятском языке образуются путем прибавления специальных компонентов к основному термину. Так, понятие **дедушка** выражается составными терминами **үбгэн аба** (дедушка по отцу) и **нагаса аба** (дедушка по матери), а понятие **бабушка** передается терминами **хүгшэн эжы** (бабушка по отцу) и **нагаса эжы** (бабушка по матери).

По данным эксперимента, в языковом сознании бурят **дедушка** – *хүгшэн* (старый), *ухаатай* (умный), *хүндэтэй* (уважаемый), *ажалиа* (работающий), *хайн* (хороший), *дуратай* (любимый), *наһатай* (пожилой). **Бабушка** представляется как *наһатай* (пожилая), *хүгшэн* (старая), *хүндэтэй* (уважаемая), *хайн* (хорошая), *сэсэн* (мудрая), *зөөлэн* (ласковая), *буурал* (седая). Традиционно детям в бурятских семьях с детства прививалось почтительное отношение к старшим. Практическое отсутствие негативно окрашенных слов-реакций на вышеуказанные стимулы ярко демонстрирует это.

Термины **абга** (дядя по отцу)/**нагаса** (дядя по матери) у бурят вызывают такие ассоциации, как *багша* (учитель), *ухаатай* (умный), *бэрхэ* (умелый), *ажалиа* (работающий), *хүндэтэй* (уважаемый), *залуу* (молодой), *хүхюутэй* (веселый). Для бурят **дядя** – это *эсэсын* (эхын) *аха/дүү* (старший или младший брат отца или матери). Похожие реакции на стимулы **абга абгай** (тетя по отцу)/**нагаса абгай** (тетя по матери). Для бурятских респондентов – это *абын* (эхын) *эгэшэ/дүү*, т.е. старшая или младшая сестра отца или матери. **Тетя** для бурят – *эрдэмтэй* (ученая, образованная), *хайн* (хорошая), *сэсэн* (мудрая), *түрэл* (родня). Как видно, в отличие от русской культуры, где словом **дядя**, как и словом **тетя**, принято называть людей, не связанных узами родства (ср. русские ассоциации со словом **дядя** – чужой, **тетя** – посторонняя), в бурятской культуре данные слова обозначают только родственников.

Существование и широкое использование терминов родства, включающих в свою семантику указание на возраст, объясняется вековыми традициями культа родителей, старших по возрасту. Традиции глубокого уважения к старшим выражались в том, что младшие не называли старших по именам, а пользовались широко принятой в быту терминологией родства. Другой

причиной этого были явления табу и эвфемизмов, когда женщинам запрещалось называть родственников мужа и других мужчин их собственными именами (3, с.244).

Организация семейно-родовых отношений отражается и в названиях родственников второго поколения по линии отца и матери. Так, *үеэлэ* – двоюродный брат или сестра по отцу, *бүлэ* – двоюродные по матери. В случае уточнения принадлежности к полу эти слова используются с показателями пола *хүбүүн* (мальчик) и *басаган* (девочка).

Стимул *үеэлэ* (двоюродные по отцу) вызывает следующие ассоциаты: *хаяла* (троюродные по отцу) (8), *олон* (много) (6), *эбтэй* (дружные) (5), *түрэл* (родня) (3), *сасуу*, *сассутан* (ровесник) (3). Самую частотную реакцию *хаяла* (троюродные) можно объяснить существованием выражения *үеэлэ-хаяла* – дальние родственники.

Среди самых частотных реакций на стимул *бүлэ* (двоюродные по матери) мы находим *гэр* (дом) (25), *эбтэй* (дружные) (10), *айл* (семья, дом) (5). Высокая частотность реакции *гэр* объясняется тем, что слово «бүлэ» обозначает «семейство, семью», а также является составной частью выражения *гэр бүлэ*, которое означает «семья».

К числу примечательных свойств системы терминов родства бурят относится использование одних и тех же лексических единиц для обозначения племянника и внука (и соответственно племянницы и внучки): *аша* – по отцовской линии и *зээ* – по материнской линии. Для стимулов *аша* (внук/внучка, племянник/племянница по отцовской линии) и *зээ* (внук/внучка, племянник/племянница по материнской линии) типичны реакции *хүбүүн* (мальчик), *басаган* (девочка) (как показатели пола), *жаахан* (маленький), *хөөрхэн* (милый, славный), *эрхэ* (избалованный), *туһатай* (помощник). Интересно, что внук (внучка) или племянник (племянница) воспринимается респондентами маленьким ребенком (Ср. ассоциаты *жаахан* (маленький), *алая* (шаловливый), *аашархуу* (озорной), *эрхэ* (избалованный), *уйладаг* (плакса), *нааданхай* (игрушка), хотя внуком или внучкой может являться взрослый человек. Это характерно не только для носителей бурятского языка: ср. ассоциации русских со словом внук – *малыш*, *ребенок*, *пеленки*, *игрушки*, *паровозики*, *капризный*.

Правнука/правнучку (*гуша*) носители бурятского языка представляют *маленьким* (*жаахан*) (6), *избалованным* (*эрхэ*) (3), *умелым* (*бэрхэ*) (3), правнуков должно быть много (*олон*) (5). Типичны также реакции: *тоо* (число, цифра) (6), *хоёр* (два) (2), видимо, по причине того, что в бурятском языке имеется слово омоним «гуша» – тридцать раз, тридцатью. Самые частотные реакции: *аша* (внук/внучка) (8) и *душэ* (праправнук/праправнучка) (8).

Далее рассмотрим термины свойства. Интересны для анализа ассоциативные поля бурятских слов *нүхэр* (муж) и *һамган* (жена). Прежде чем рассмотреть их, следует отметить, что эти слова в бурятском языке имеют и другие значения: *нүхэр* – друг, *һамган* – женщина. Поэтому не удивительно, что самые частотные реакции для стимула *нүхэр* (муж) *хүбүүн* (парень) (7), *хани*, *анда* (друг) (5), (4). А такая ассоциация, как *намда олон* (у меня много) (1), данная представителем мужского пола предполагает значение *друг* слова *нүхэр*. Тем не менее предлагаются такие ассоциаты, как *һайн* (хороший) (5), *дуран* (любовь) (3), *һамган* (жена) (4). Реакции *найдалтай* (верный, надежный) (2), *минии* (мой) (4), *туһатай* (помощник) (4) могут характеризовать как мужа, так и друга. Жена (*һамган*) в бурятском языковом сознании выглядит как *бэрхэ* (умелая) (8), *гоё* (красивая) (4), *залуу* (молодая) (2), *дуратай* (любимая) (2). Она ассоциируется с *дуран* (любовью) (6), *нүхэр* (мужем) (5), *бэри* (невесткой) (2). Как было упомянуто выше, у этого слова есть значение «женщина», поэтому встречаются реакции: *эхэнэр* (женщины) (6), *шалиг* (болтливая, вздорная) (1), *мэхэтэй* (хитрая) (1), *муухай* (некрасивая) (1).

Проанализируем образы невестки и зятя. Для стимула *бэри* (невестка) преобладающей является реакция *басаган* (девушка, дочь) (14). В языковом сознании бурят невестка – *бэрхэ* (умелая) (12), *сэбэрхэн* (хорошенькая) (6), *һайхан* (красивая, прелестная) (4), *залуу* (молодая) (3), *һамган* (жена, женщина) (3). Примечательно, что и у мужчин и женщин наблюдается положительная оценка невестки (всего три негативно окрашенных реакции), она не воспринимается как чужой человек. Для сравнения в языковом сознании русских невестка вызывает больше отрицательных ассоциаций, особенно у женской части респондентов: напр. *родственница по нужде*, *зло*, *противная*, *тупая*, *соперница*, *чужой человек*, *пройдоха*.

В представлении бурят *хүрьгэн* (зять) – *хүбүүн* (парень, сын) (15), *бэрхэ* (умелый) (9), *залуу* (молодой) (2), *баян* (богатый) (2), *түргэн* (быстрый) (2). Встречаются и отрицательные характе-

ристики зятя: *архинша* (пьяница) (3), *залхуу* (ленивый) (2), *худалша* (врун) (1). Одна из частотных реакций – *хуряхай* (6), это диалектное название зятя.

Термины брачного родства – тесть, теща, свекор, свекровь, деверь, шурин, золовка, свояченица – в бурятском языке образуются при помощи присоединения к слову *хадам* слов *аба/баабай* (отец), *эжы/эхэ* (мать), *хүбүүн* (сын), *басаган* (дочь). Таким образом, родственники мужа и жены обозначаются следующим образом: *хадам аба* или *хадам баабай* – свекор, тесть; *хадам эжы* или *хадам эхэ* – свекровь, теща; *хадам хүбүүн* – деверь, шурин; *хадам басаган* – золовка, свояченица. Как видно, имеются одинаковые термины для обозначения родственников как со стороны мужа, так и со стороны жены.

Для анализа был выбран один собирательный термин *хадам* (родственник жены или мужа). По причинам, указанным выше, наиболее частотными реакциями были *эжы, эхэ* (мать) (15), (5), что означает свекровь или тещу, *баабай, аба* (отец), (5), (3) т.е. свекор, тесть, *сухалтай* (сердитый) (4), *бэри* (невестка) (4). Вообще *хадам* ассоциируется с *наадан, хурим* (свадьбой), с уходом в другую семью *шэнэ гэр* (новый дом), *холодохо* (уходить, расставаться), *холо газар* (далекое место). Само слово является частью выражения «*хадамда гараха*» – выйти замуж.

Далее рассмотрим термины свойства, характеризующие отношения между мужьями сестер и женами братьев, это – *база* – свояк, муж родной сестры и *абьһаалин* – жена одного брата по отношению к жене другого брата. Последний термин довольно редкий и относится к диалектной лексике. Этим объясняется высокий процент отказов – 36 и такие реакции, как *мэдэнэгүйб* (не знаю) (2). Тем не менее складывается такой образ жен родных братьев: *бэрхэ* (умелая) (4), *һалан* (неряшливая) (3), *харюутай* (ответственная) (2). *База* (сваяк) в бурятском сознании представляется *баян* (богатым) (4), *нхэр* (мужем) (3), *шадалтай* (сильным) (2), *бүдүүн* (толстым) (2), *хүдэлмэришэн* (рабочим) (2). Одна из частотных реакций – *хуряхай* (муж) (4) – так в разговорной речи называют мужа, а в некоторых диалектах зятя, мужа старшей сестры.

Здесь, для сравнения, хотелось бы привести ассоциаты, предоставленные носителями русского языка на стимулы свойства, в частности *шурин, деверь, золовка, свояк, свояченица*. Данные термины, по всей видимости, выходят из употребления и почти неизвестны молодому русскоязычному поколению. Например, самая частотная реакция на стимул *деверь* – *деверь* (18), а такие реакции, как *дерево* (3), *зверь* (3), *вход* (2), *открыта* (1), *открылась* (1), *ручка* (1), говорят о том, что испытуемые реагируют, прежде всего, на фонетическую оболочку слова. На стимул *шурин* отвечают: *друг* (8), *Шурик* (2), *свадьба* (2), и если даже шури́н воспринимается как *родня* (4), то тогда – это *чей-то муж* (1), *какой-то родственник* (1), и вообще вызывает *неизвестность* (1) и *непонимание* (1). *Золовка* в русском языковом сознании ассоциируется с *золотом* (5), *головкой* (3), *злостью* (3), *золотом* (3). Хотя некоторые все же знают, что это *сестра мужа* (3). Слова *сваяк* и *сваяченица* в силу того, что были образованы от слова «свой», вызывают «родственные чувства». *Сваяк* – *друг* (9), *родственник* (7), *свой* (3), а *сваяченица* – *своя* (9), *знакомая* (3), *тетка* (3). На стимул *сваяченица* много слов-реакций, заканчивающихся на *-ица*: *яичница, двоечница, мученица, соперница, модница*. Таким образом, приходим к выводу, что в русской культуре вышеупомянутые слова забываются и выходят из употребления и сейчас уже мало кто знает, что *деверь* – это брат мужа, а *шури́н* – брат жены, и теперь вместо слов *золовка* и *сваяк* используются описательные *сестра мужа, муж сестры жены*.

В бурятском языке в отличие от русского языка имеются специальные слова для обозначения старшего, среднего и младшего ребенка в семье: *ууган* (старший из детей), *тээли* (средний) и *одхон* (младший), причем семантика этих слов не включает указание на пол ребенка, который в случае необходимости обозначается словами *хүбүүн* (сын) и *басаган* (дочь): напр. *одхон хүбүүн* (младший сын). Эти слова также были предложены в качестве стимулов. Так, по данным эксперимента, *ууган* (старший из детей) представляется *томо* (крупным, рослым) (3), *аха* (старшим) (3), *сэсэн* (мудрым) (2), *хүшэн* (старым) (2), *туһатай* (помощником) (1), т.е. характеристики, присущие взрослому человеку, чаще ассоциация со старшим братом. Самая частотная реакция *хүбүүн* (сын) (16).

Стимул *тээли* (средний из детей) вызвал следующие ассоциации: *бэрхэ* (умелый) (4), *хүбүүн* (сын) (3), *дундахы* (средний) (3), *һайн һанаатай* (добрый) (3), *залхуу* (ленивый) (2). Интересно, что это слово часто ассоциируется с одеждой, на это указывают такие реакции, как *хубсаһан* (одежда), *дэгэл* (пальто), *тэрлиг* (летний халат), т.к. это слово по звучанию напоминает простонародное слово *дээли* – одежда, видимо, от слова *дэгэл* (пальто, платье). Большое количество

отказов – ууган (старший из детей) – (16) и тээли (средний из детей) – (31) свидетельствует о том, что данные слова редко используются в речи и выходят из употребления, кроме того, *тээли* встречается не во всех диалектах.

Иная ситуация сложилась со словом *одхон* (младший из детей). Данное слово используется довольно часто, и не только бурятами. Это слово хорошо известно русским, проживающим в Бурятии. Оно приобрело форму *отхончик*, присоединился русский уменьшительный суффикс – *чик*, который указывает на маленького, часто избалованного ребенка. Таким образом, *одхон* – это *эрхэ* (избалованный) (24), *хүбүүн* (сын, мальчик) (17), *басаган* (дочь, девочка) (9), *жаахан* (маленький) (9), *дүү* (младший брат/сестра) (3), *дуратай* (любимый) (2), *эгээл дуратай хүбүүн* (самый любимый сын) (1).

Итак, все вышесказанное позволяет сделать следующие выводы.

Для бурятской семьи характерно большое разнообразие родственников, входящих в ее состав. Помимо кровных родственников (родителей, детей и их потомства) в нее входят родственники и по боковой линии: дяди, тети, двоюродные братья, сестры, племянники и другие. При этом разграничиваются родственники по отцовской и по материнской линии. В целом для бурят характерно знание терминов родства, почитание своих родственников, старших, поддержание тесных связей между собой.

В бурятском языке ярко и разнообразно представлены термины кровного родства, а термины брачного свойства являются составными. Наблюдается большое количество диалектных слов, распространенных в том или ином районе.

Специфика терминологии родства у того или иного народа объясняется той спецификой общественных условий, которые связаны с жизнью народа. Определенная система ценностей, которые формируются на протяжении многих лет, складывается под влиянием разных факторов. Ц.Ц. Доржиева в своей работе выделяет некоторые, наиболее существенные, из них: 1) географическая среда и природные условия; 2) особенности исторического развития; 3) хозяйственная деятельность; 4) взаимодействие с культурами других народов, вследствие чего происходит взаимообогащение культур (3, с.37). Это подтверждает материал терминов родства. Например, регулярно повторяемые реакции носителей бурятского языка: *ангууша* (охотник), *хонишон* (овцевод), *малиан* (скотовод), *адуушан* (табунщик, конюх), *хаалишан* (доярка), *дархан* (кузнец) демонстрируют особенности традиционной хозяйственной деятельности бурят, слова *бөө* (шаман), *лама* (лама, буддийский монах) – верования бурят; борьба и стрельба из лука – национальные бурятские виды спорта, о чем свидетельствуют такие ассоциации, как *барилдааша* (борец) и *харбааша* (стрелок). О взаимодействии с культурами других народов, в частности с культурой русского народа, можно судить по таким реакциям, как *мама*, *дядя*, *молоко*, *юбилей*, собственные имена – *Света*, *Петр*, *Люда*, немного видоизмененное *үйлэ* (улица). И, наоборот, в культуру русских, проживающих в Бурятии, вошло бурятское слово *одхон* (младший ребенок в семье).

Среди наиболее частотных реакций – *ажалиша* (работящий), *эрдэмтэй* (ученый, образованный), *үэн сэхэ* (честный), *ухаатай* (умный), *сэсэн* (мудрый), *хайн ханаатай* (добрый). Это связано с тем, что традиционно родители с детства прививали своим детям такие качества, как стремление к знаниям, образованность, уважение к старшим, честность, порядочность, трудолюбие, доброта, что во многом обусловлено этническими традициями.

В настоящее время происходят изменения в структуре семьи, увеличивается число двухпоколенных семей, а демографическая ситуация в Бурятии характеризуется общими тенденциями демографических процессов, протекающих в стране, однако роль семейно-родственных связей возрастает. Согласно материалам социологического исследования, проведенного Ц.Ц. Доржиевой в 2004 г., буряты придают родственным отношениям немаловажное значение, вместе с тем в городской среде их роль снижается. Так, тесные связи с родственниками поддерживают 70,3% городских и 76,9% сельских респондентов (4, с.123).

Анализ терминов родства позволяет заключить, что язык является символом этнической принадлежности, обуславливает национальную специфику народа, играет важную роль в формировании национального самосознания человека, а ассоциативный эксперимент предоставляет уникальную возможность исследования языкового сознания народа.

Литература

1. Горошко Е.И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. – Харьков-М.: РЛ-Каравелла, 2001.
2. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. / ред. Ю.Н. Караулов и др. – М., 2002.
3. Будаев Ц.Д. Лексика бурятских диалектов в сравнительно-историческом освещении. – Новосибирск: Наука, 1978.
4. Доржиева Ц.Ц. Изменения традиционных социокультурных ценностей бурят в условиях урбанизации российского общества (на материалах Республики Бурятия): дис. ...канд. социол. наук. – Улан-Удэ, 2004.

Л.В. Аюшеева

старший преподаватель кафедры бурятского языка Бурятского государственного университета
г. Улан-Удэ

Проблема категориальности местоимений бурятского языка

В статье дан анализ и краткий обзор существующих точек зрения, трактовок местоимений бурятского языка. Выявлены наиболее существенные аспекты понятия «местоимение» в качестве лингвистической основы методики обучения местоимениям бурятского языка в национальной школе.

L. Ayusheeva

The problem of categorality of the Buryat pronouns

In her work gives an analysis and a view of all existing definitions of the pronouns in the Buryat language. The most essential aspects of the notion "pronoun" are revealed as a linguistic basis of teaching Buryat pronouns in national school.

Местоимения бурятского языка составляют относительно небольшую в количественном отношении часть речи бурятского языка и в описательном аспекте исследованы достаточно полно, однако проблема категориального определения данной части речи остается все еще актуальной. Причиной тому является, на наш взгляд, отсутствие среди исследователей единой точки зрения на природу местоимений бурятского языка.

Местоимения в монголоведении рассматривались с разных позиций. Первые монголоведы русской школы И.Я. Шмидт (1832) и О.М. Ковалевский (1835), а затем А. Орлов (1878), М.А. Кастрен (1936), Н.Н. Поппе (1938), следуя европейской традиции, относили местоимение к именной части речи.

Совершенно иная позиция изложена Г.Д. Санжеевым в работе «Грамматика бурят-монгольского языка» (1941). Он выделяет: 1) личные; 2) указательные; 3) вопросительные; 4) наречные; 5) глагольные местоимения. Автор отмечает, что «особенностью бурят-монгольских местоимений является то, что к ним относится еще три глагола *иихэ* «сделать» (аналогично этому), *тиихэ* «сделать» (аналогично тому), *яаха* «как быть?», «что делать?». Г.Д. Санжеев предлагает для всей этой группы слов в монгольском языке, трактуемых как местоимения, употреблять термин «*toluqen* -и иqe» – замещающее слово. Он указывает, что разновидности местоимений могут быть распределены по другим частям речи: личные – отнесены к предметным именам, указательные – к качественным именам, наречные – к наречиям, глагольные – к глаголам; что же касается вопросительных местоимений, то они распадаются на предметные *хэн* «кто», качественные *ямар* «какой, какая, какое, какие», наречия *хаана* «где». К наречным местоимениям автор относит *иишэ* «сюда», *тиишэ* «туда», *хуу* «все», *эндэ* «здесь», *тэндэ* «там», *хамаг* «все» и т.д. (1, с.50). Вместе с тем, если в этой работе Г.Д. Санжеев местоимение называет бурятским термином «*түлөөнэй үгэ*» (замещающее слово) и рассматривает как самостоятельную часть речи, выделяя в классификации особые наречные, глагольные местоимения помимо традиционно выделяемых разрядов, то в другой своей работе «Современный монгольский язык» (1959) местоимение называет термином «*түлөөнэй нэрэ*» и относит к именной части речи. Отсюда видно, что автор отошел от своего взгляда и разделяет распространенную точку зрения, что местоимение – именная часть речи.

В бурятском языкознании местоимения подробно изучены Ц.Б. Цыдендамбаевым. Его кандидатская диссертация на тему «Местоимения в монгольских языках» (1951) легла в основу раздела «Местоимение» академической «Грамматики бурятского языка. Фонетика и морфология» (1962).